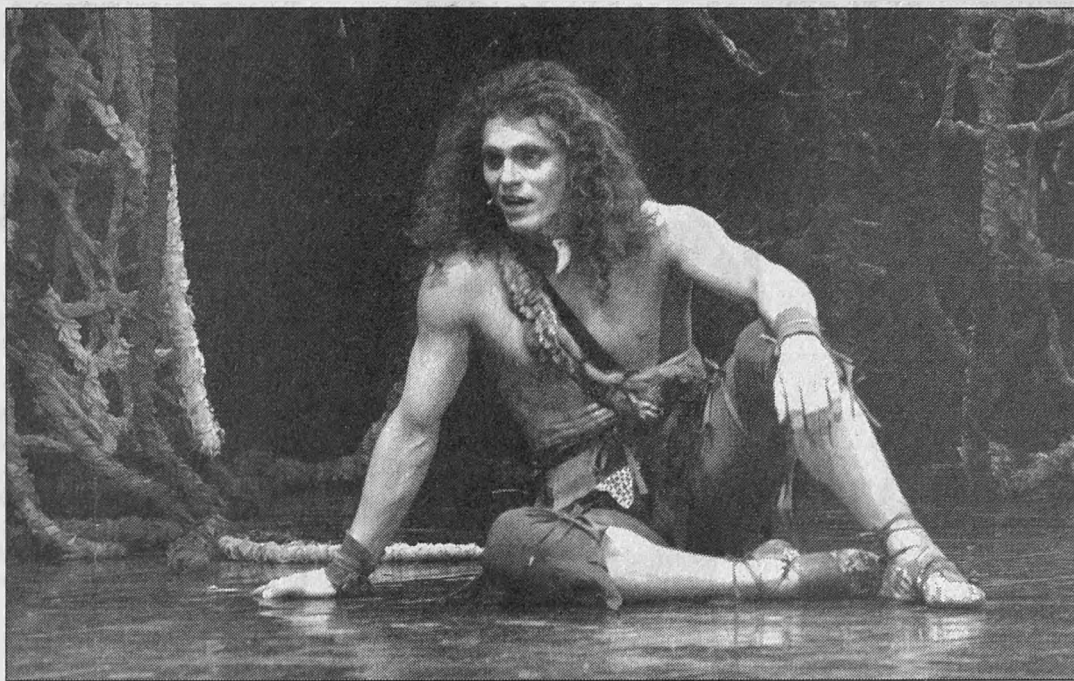

Крупный план

Когда Александр Бабенко пришел к нам в редакцию, молоденькие девчонки, поклонницы мюзиклов, бросились просить автограф. Популярность - никуда не денешься! Звезда всех хитовых московских мюзиклов («Метро» и «Notre Dame de Paris», «Кошки» и «Ромео и Джульетта») Александр недавно сыграл главную роль в семейном мюзикле театра «Московская оперетта» «Маугли». Знаю его не первый год и каждый раз удивляюсь: все время он в работе и всегда поражит чем-то новым и неординарным. Натура такая. Одно слово - артист!

АННА КЛОУШИНА

Александр Бабенко: одно слово — артист!

- Александр, прямо скажу, этот театральный сезон у меня лично прошел под знаком ваших работ. Куда ни глянешь - везде знакомое имя, и все роли первого плана. Поражает, как вы работаете на сцене. Такая самоотдача, такой драйв, такая энергетика. Похоже, себя не щадите. И все время где-то учитесь. Как все успеваете?

- Я родился в семье артистов: мама - танцовщица, отец - певец. С детства привык к профессиональному подходу. В юности закончил Одесскую хореографическую школу и Кишиневское хореографическое училище. Как танцовщик стараюсь развивать себя во всех стилях - классике, фольклоре, джазе, модерне. Когда начал работать в Одесском Театре музыкальной комедии имени Михаила Водяного, быстро понял, что надо получить еще и актерское образование. По приглашению уехал работать в Новоуральский театр оперетты и по соседству, в Екатеринбурге, поступил в театральный институт на факультет «актер театра и кино» к профессору Вячеславу Анисимову, ученику великого Товстоногова. Три года назад окончил курс и сразу же по совету мастера поступил на режиссерский. В апреле на отлично защитил очередной диплом по специальности «режиссер драматического театра» - одноактным спектаклем про Никколо Паганини «Кто он? Ангел или демон?». В моем спектакле нет скрипки: скрипка - сам Паганини - божественный инструмент природы. Готовлю его двухактную постановку уже на профессиональной сцене в Москве. Как показать эквивалент феномена Паганини на сцене? Взять известного скрипача? Но как он может сыграть образ? Взять бутафорскую скрипку и заставить актера обманывать зал, подавая музыку из-за кулис, глупо. Думаю, что ближе всего - пластический эквивалент. Главное - на сцене надо создать мистическую, таинственную атмосферу. А вообще Паганини я ассоциирую со смерчем...

- Вашего Маугли тоже можно сравнить со смерчем. Вихрь эмоций! Теперь уже можете сказать, что покорили Москву!

- Покорить, может, и не покори, но интересная работа

есть, зрители принимают хорошо. О чем еще можно мечтать? Семь лет назад я приехал на кастинг мюзикла «Метро», работал в нем. Затем меня пригласили в «Московскую оперетту» на роль Робинзона в мюзикл «Греховодник». Параллельно начал сотрудничать с русским балетом «Возрождение» как танцовщик. Даже уходя в актерство и в вокал, не хочу расставаться с балетом. Нужен постоянный тренинг. В мюзикле «Ромео и Джульетта» получил необычную роль - Смерти. Это знаковый образ в моей жизни, многое для себя почерпнул, работая над ним. Особенно интересно было работать с французским балетмейстером. Реда Бентефор придумал такую хореографию! Космос идей! Образ наполнен внутренней энергией, а пластический рисунок подчас уродлив, линии ломаные, движения необычные. И в этом загадка, «ключик» образа Смерти. Она - получеловек, полуживотное, то есть существует как бы в другом измерении, у нее другой ритм перемещения по сцене. И дело, конечно, не только в костюме и гриме. Мой педагог мне помог, сказав, что в смерти нет ничего сатанинского, в ней нет зла. Это освобождение, исцеление, своего рода «сестра милосердия». В момент смерти человек освобождается от мук, его лик светлеет. Смерть - это только миг, а потом начинается другая жизнь. Тогда я понял, что можно и нужно войти в самые потаенные глубины, создавая сценический образ, фантазировать. Фантазия раздвигает границы воображения, и мы улетаем действительно в космос. Иногда после спектакля я даже не помню, что со мной происходило на сцене.

Теперь, когда берусь за новую работу, знаю, что всегда есть «ключик» к любой роли. Для меня это - титанический труд. Не успокоюсь, пока не «пройду» роль пластически, вокально, актерски, не продумаю до мельчайших деталей психологию и характер моего героя. После «Кошек» замечал, что начинаю вести себя, как кот. Не зря педагоги говорили: «Уходя со сцены, не забудьте выйти из образа». Но чтобы создать этот образ, нужно трудиться и трудить-

ся. Поэтому в старые роли легко «впрыгиваешь», а вот новая к премьере чаще всего еще не готова. Пока «устанется», может год пройти. И тогда она обретает другую жизнь.

- А почему «Кошки» так быстро сошли со сцены? Вы только год там работали...

- Спектакль играли по бродвейской модели - каждый вечер, а то и по два спектакля за день. Зал всегда был полный, но наступил момент, когда стало ясно, что зритель исчерпан. Для меня это был тяжелый проект. Русский артист привык работать каждый день как в последний раз, на износ. Каждый вечер так работать нельзя - либо сломаешься психически, либо начнешь халтурить. Это противоречит актерской природе...

- Значит, природа нашего артиста чем-то отличается от бродвейского!

- Однозначно. Английский вариант «Кошек» - мой любимый мюзикл. Могу смотреть в записи бесконечно, но как это выглядит живьем - не знаю. Наверное, зарубежные актеры устроены по-другому. Есть работа, и они счастливы каждый день как заводные выходить на сцену. Нам же этот ритм чужд. Я люблю разнообразие. Иногда такой неожиданный проект предлагает! И хочется попробовать. Окунувшись в этот ежедневный марафон, я понял, что это не для меня. Тупиковый путь. Но я рад, что «Кошки» были в моей жизни. Мне кажется, у нас получился более душевный спектакль благодаря переводу Алексея Кортнева. Но все равно это шоу, и здесь главное - грим, костюмы, голоса, пластика. Известно, на Бродвее люди едут со всего мира. А туристы, которые приезжают в Москву, пойдут, конечно, не на «Кошек», а на классический балет в Большой театр. Это наша фишка. Но все равно это хорошо, что мюзикл появился у нас. Для зрителей - новые впечатления, приобщение к мировому культурному пространству. Для актеров - бесценный опыт.

- Вы упомянули слово «балет». А что делаете в этой области?

- В 2003 году к 10-летию со дня смерти Рудольфа Нуриева режиссер и хореограф Виктор

Генрих осуществил постановку спектакля «Нуриев, и ничего кроме». И я играл своего кумира. Сложность этой работы была в том, что из двух моих любимых танцовщиков - Нуриева и Барышникова - последний мне ближе по внутреннему состоянию, импульсивности. И я в чем-то повторял именно его. Нуриев мне казался более закрытым, интеллектуальным танцовщиком. Он просто стоит, а от него глаз не оторвать. Некая загадка, иероглиф. Барышников - хрестоматия для танцовщика. И вот когда работал над ролью, самая большая сложность была как раз в том, чтобы соединить собственное «я» с создаваемым образом. И хотя это был разовый проект (прошло всего четыре спектакля), для меня это был важный период жизни. Тогда-то я до конца понял весь масштаб незаурядной личности гениального танцовщика и хореографа. Он делал собственные редакции классических балетов, но до сих пор ни один из нуриевских спектаклей не поставлен на его родине, хотя на них учится весь мир. На мой взгляд, лучше тех идей, движений, которые дал танцу Нуриев, пока ничего не придумано. Он истинный реформатор.

- Вы только что вернулись из Испании, где гастролировали с театром «Тень». Еще один новый проект!

- Это первая русская опера Фомина «Орфей» в постановке Ильи Епельбаума. Спектакль с живым оркестром на сцене, приемами теневого театра. Я играю Орфея. Роль интересная, с хорошим театральным стебом. Спускаясь в Аид, он на лире играет, как на гитаре, прямо рок-звезда. Мы показали его Юрию Петровичу Любимову, и ему понравилось, он взял его в репертуар на Малую сцену Театра на Таганке. Уже с сентября там будет идти.

- Слушая вас, трудно представить, что вы смогли бы работать в репертуарном театре, в размеренном ритме...

- Ну почему? Я работал в Одессе - в Театре оперы и балета, например. Мне хорошо знакомы плюсы и минусы репертуарного стационарного театра. Сейчас я солист балета «Московской оперетты», кстати, алма-

матер лучших московских мюзиклов. А совсем недавно выпустили «Маугли»...

- ...где вы играете главную роль. С этого места поподробнее, пожалуйста. Кажется, Киплинг, сочиняя своего Маугли, видел ваш образ...

- Еще в Одессе должны были ставить шоу «Тарзан», но мне срочно надо было уехать, и эта работа не состоялась. И вдруг, спустя семь лет, в недрах нашего театра возникает эта тема. Наш актер Влад Сташинский сочинил мюзикл «Маугли». Поставила спектакль молодой режиссер Алина Чебик с замечательной хореографией Бориса Барановского. Наш директор Владимир Тартаковский снова решился на эксперимент. Вспомним, что именно он стоял у истоков знаменитого «Метро» и других хитов на сцене «Московской оперетты». И вот делают не американский или раскрученный европейский мюзикл, а наш, родной. Это поступок. Не каждый продюсер это себе может позволить. В век компьютерных технологий театр не должен отставать. Это смелый эксперимент, и настолько грамотно все рассчитано, что получилось действительно великолепное шоу. Уверен, что зритель должен прийти в театр и верить в сказку. Человек в любом возрасте хочет увидеть чудо. Лазерный луч в театре остался со времени «Метро», а теперь ему нашлось достойное применение.

Обожаю свою роль, хотя после спектакля неимоверно устаю. Но хочется играть его снова и снова. Еще с одесских времен я, выходя на сцену, себя не жалел. Если мы не будем рисковать, то зритель не получит того, за чем он идет в театр. Балетных можно сравнить со спортсменами. Риск, самоотдача - дают импульс к развитию. И тогда у зрителей захватывает дух. Люблю эту роль, мечтаю подольше ее играть.

- Здесь вы как раз выступаете во всех ипостасях - актер, певец, танцовщик!

- Меня тем и привлекает жанр мюзикла, что он максимально использует возможности артиста. Нет рамок. Дай Бог долгой жизни мюзиклу и оперетте в нашей стране, и чтобы в результате появился какой-то новый жанр, может быть, «русский мюзикл», смотреть который будут приезжать зрители со всего мира. Пока мы учимся на чужом материале, но «Маугли» уже дает надежду.

- Саш, вы мало того, что трудолюбив, а еще и хитрый. Из балета рано или поздно нужно уходить. А у вас есть чем еще заниматься в этой жизни: вы драматический артист, певец, наконец, режиссер. Здорово подстраховались!

- В Одессе говорят: «Хитрый - не дурной». Правильно? Но в этой моей «хитрости» есть самое главное - продление жизни на сцене. У танцовщика век короткий. Великий Игорь Моисеев как-то сказал: «После 40 танцевать можно, но смотреть противно». Искусство жестокая вещь. Можно уйти в педагогику, но я другой по своей сути. Творческий процесс - это единственное, что может меня захватить. В моем новом дипломе написано «режиссер драматического театра», но ставить хочу все - мюзиклы, балеты, драму, оперы, шоу...

- Уверена: у вас именно так и будет. А еще хочу пожелать, чтобы на ваши спектакли всегда спрашивали лишний билетик.

Ирина ШВЕДОВА.

На снимке: Александр Бабенко в роли Маугли.